

Санкт-Петербургский государственный университет

КОШЕЛЕВА Юлия Леонидовна

Выпускная квалификационная работа

Тангутский язык и его соседи в ареальных связях

Уровень образования: бакалавриат

Направление 58.03.01 «Востоковедение и африканистика»

Основная образовательная программа СВ.5035.2017 «Востоковедение
и африканистика»

Профиль Китайская филология

Научный руководитель:

Кандидат филологических наук

Емельченкова Елена Николаевна

Рецензент:

Кандидат исторических наук

Бонч-Осмоловская Ольга Андреевна

Санкт-Петербург

2022

Оглавление

Введение	2
Глава 1. Тангутский язык и ареал его распространения	7
1.1. Тангутский язык в исторической и географической перспективах	7
1.2. Понятие ареала распространения языка и ареальных связей.	16
1.3. Характеристика ареальных связей тангутского языка.	19
Глава 2. О некоторых особенностях исследования языкового взаимодействия тангутского языка	25
2.1. Основные источники, проблемы и методы исследования мертвых языков.	25
2.2. Генетическое родство тангутского языка и его соседей.	30
Глава 3. Об особенностях тангутского языка, возникших в результате ареальных взаимодействий	34
3.1. Связь тангутской и китайской письменностей. Основы структуры и классификации тангутских иероглифов.	34
3.2. Основы фонетической системы тангутского языка. Фонетические изменения в тангутском языке, произошедшие под влиянием языковых контактов.	42
3.3. Специфика и классификация лексических заимствований тангутского языка.	44
Заключение.....	57
Список использованной литературы и источников.....	61
Приложения	65

Введение

Тангутский язык – мертвый язык народа тангутов с уникальной искусственно созданной письменной системой, исследования которого сформировали новую область научных знаний – тангутоведение.

Представление научного сообщества об этом языке до сих пор далеко не полное. Это объясняется отчасти большим объемом еще не разобранного, не дешифрованного, не введенного в научный оборот материала. А также тем, что его исследователи сталкиваются со множеством сложностей, связанных не только с дефицитом доступного для исследования материала, но и невозможностью применения уже ставших традиционными в языкознании методов исследования из-за отсутствия живых носителей этого языка.

Дальнейшее углубление знаний о тангутском языке, письменности, культуре, а также об особенностях связей государства тангутов Западной Ся и тангутского языка с соседними народами и их языками позволит расширить и обогатить научные представления о народах периферии Китая и их религиозном, политическом и культурном взаимодействии. Кроме того, исследования тангутского языка вносят вклад в изучение особенностей генезиса и развития китайского и тибето-бирманских языков.

Проблема языкового взаимодействия, в особенности взаимодействия вымерших языков, к которым относится, в том числе, и тангутский, представляет все больший исследовательский интерес для ученых. Главным образом в связи с ростом актуальности межъязыковых и междисциплинарных исследований в современной науке в целом, и в лингвистике в частности. Исследование взаимодействий языков, распространенных в одном или близких географических регионах, позволяет подтвердить и значительно дополнить наши представления об

особенностях коммуникации и степени близости между соседствующими этносами, и, кроме того, составить более детальное представление об их культурах. Особенно, если их формирование происходило не в изоляции, а в активном взаимодействии и включало широкие взаимозаимствования.

Данная выпускная квалификационная работа посвящена исследованию ареальных связей тангутского языка и его соседей, попытке выявить и изучить то, как именно соседствующие с тангутским языки через языковые контакты повлияли на формирование системы тангутской письменности, а также изменили его фонетическую систему и лексический состав.

За время своего активного развития в течение примерно трехвекового периода, информация о котором нам доступна благодаря письменным находкам, тангутский язык не мог не контактировать активно с китайским, тибетским, киданьским, чжурчжэньским языками, а также санскритом и языками других тибетских и тюркских народов, населяющих территории к западу от Западной Ся. К сожалению, низкая степень изученности многих из вышеперечисленных языков заметно ограничивает рамки исследования. Однако, информации о китайском, тибетском языках и санскрите, как нам кажется, достаточно для обнаружения последствий влияния этих языков на систему тангутского языка. Еще данное исследование осложняется тем, что тангутский язык – вымерший, и что некоторые из его соседей ему родственны. Это требует от нас раскрытия основной проблематики, источников и методов исследования мертвых языков, а также рассмотрения тангутского языка и его соседей в контексте близости по языковому родству.

Основным предметом исследования являются материалы тангутского и китайского языка, а также научные труды исследователей тангутского, китайского, тибетского языков и санскрита. **Объектом**

данного исследования в свою очередь является письменная и фонетическая системы тангутского языка, а также усвоенные и включенные в тангутскую лексику из вышеназванных языков единицы.

В качестве основного **источника** исследования был выбран тангуторусско-китайско-английский словарь, изданный в 2006 году, авторства Евгения Ивановича Кычанова и Синтаро Аракавы (荒川慎太郎), в котором в наиболее удобном и систематизированном виде представлена необходимая нам лексика тангутского языка.

Теоретическую базу исследования составили труды российских и советских тангутоведов, в частности Е. И. Кычанова – одного из крупнейших специалистов в изучении культуры и языка тангутов, Н. А. Невского – одного из самых известных пионеров исследования тангутского языка в мире, М. В. Софронова – автора «грамматики тангутского языка», одного из самых ранних исследований тангутской фонетики и автора одной из фонетических реконструкций тангутского языка, К. Б. Кепинг – одной из самых влиятельных исследователей тангутской грамматики в мире, Д. А. Худякова и Ю. С. Худякова – тангутоведов, внесших вклад в исследовании тангутской письменности. Кроме этого, нами были изучены работы А. И. Иванова, связанные с его деятельностью по переводу первого найденного китайско-тангутского словаря.

В ходе написания данной работы также были изучены и труды зарубежных исследователей тангутского языка, европейских и китайских исследователей: Жорж Мориса (George Morisse), Мэттью Бодуэна (Matieu Beaudouin), Гийом Жака (Guillaume Jacques), Жорж ван Дрима (George van Driem) Люка Квантена (Luc Kwanten), Сюнь Гуна (Xun Gong), Ши Цзиньбо (史金波), Ли Фаньвэня (李范文) и Гун Хуанчэна (龚煌城).

В настоящее время тангутский язык исследуется во многих странах. Самые крупные исследования проводятся в России, Китае, Японии, США, Франции. Советское и российское тангутоведение при этом обладает особым статусом в силу того, что именно советские ученые своими штудиями в значительной степени сформировали базу для изучения тангутов и проложили путь будущим поколениям исследователей.

Исследование терминологии ареальной лингвистики, а также характеристика проблематики исследования мертвых языков и их ареальных взаимодействий в контексте генетического родства основывались на работах ученых-лингвистов Адольфа Пикте (Adolphe Pictet), Иоганесса Шмидта (Johannes Schmidt), Джеймса Матисов (James Matisoff), Иоганн-Матисс Листа (Johann-Mattis List) и Георгия Старостина.

Основная цель исследования – определить, как именно в результате ареальных взаимодействий с соседними языками изменялась система тангутского языка, с опорой на работы ученых-тангутоведов и анализ его лексического состава.

Достигая этой цели, в работе мы ставим и решаем следующие **задачи**. Опираясь на исследование тангутского языка в исторической и географической перспективах, мы формируем общее представление о его генезисе, географическом распространении, истории развития и процессе исследования научным сообществом. С целью выявить и охарактеризовать основные ареальные связи тангутского языка, а также выдвинуть предположения, какие соседние языки и как именно могли на него повлиять, раскрываем и опираемся на рассматриваемые в контексте лингвистических исследований понятия «ареал» и «ареальные связи». Понимая, что исследование ареальных взаимодействий не эффективно без принятия во внимание проблематики исследования мертвых языков и учета межъязыковых генетических связей, нами на примере тангутского

языка исследуются основные методы и источники его исследования и реконструкции, а также определяется его место в генетической классификации языков.

В исследовательской части мы предпринимаем попытку определить, какие именно особенности тангутского языка сформировались и развились в нем из-за взаимодействия с соседними языками. Для того, чтобы определить влияние основ китайской письменности на генезис тангутской письменной системы, мы рассмотрим общепринятые представления об основах функционирования и классификации тангутских иероглифов и сравнением их с основными элементами и принципами построения иероглифов китайского языка. Кроме того, мы также рассматриваем разные виды специально созданных для передачи звуковой формы заимствованных слов тангутских иероглифов. Пользуясь результатами фонетической реконструкции тангутского языка, мы узнаем, изменилась ли из-за частых межъязыковых контактов и переводов с других языков фонетика тангутского языка: его тоновая система и система рифм. Наконец, обращаясь к материалам словаря тангутской лексики и применяя метод фонетического и семантического сравнения лексических единиц из тангутского, китайского, тибетского языков и санскрита, мы попытаемся выявить некоторые примеры заимствованной лексики, чтобы далее составить классификацию. Так мы определяем наличие и примерные тематические особенности заимствований, принятых в тангутский язык из соседних языков-доноров.

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и источников, а также приложений, в которых приведены наглядные материалы: карта предположительной миграции тангутских племен, карта примерного расположения государства Западная Ся и его соседей, а также таблицы ключей тангутских иероглифов и основных инициалей тангутского языка.

Глава 1. Тангутский язык и ареал его распространения

1.1. Тангутский язык в исторической и географической перспективах

Тангутский язык – язык древнего государства Западная Ся, основанного народом тангутов в XI веке на территориях к северо-западу от Китайской Империи. Это государство просуществовало примерно три столетия, вплоть до момента его уничтожения монголами в XIII веке. В настоящий момент этот древний язык признан мертвым: после падения собственного государства оставшиеся в живых тангуты расселились по соседним от бывшей родины землям, где в течение нескольких веков окончательно ассимилировались с местными этносами, утратив свои идентичность, язык, культуру и традиции.

Для изучения особенностей языка этой страны и созданной в ней самобытной письменной системы важно понимать исторический контекст появления тангутского государства. Прежде всего, определенным интересом представляет собой номинация тангутского государства, и почему именно так принято его называть в науке. Вопрос этот важен потому, что царство тангутов прекратило свое существование довольно давно и узнать об этом непосредственно у представителя тангутской культуры невозможно. Ученые, занимающиеся исследованием данного региона, получают сведения о названии и, в том числе, о самоназвании тангутского царства из письменных источников преимущественно китайского и тангутского происхождения. При этом в них можно найти множество вариантов этнонимов. Вместе с этим, как отмечала известный отечественный тангутовед Ксения Борисовна Кепинг, «...очевидно, что прогресс в изучении истории тангутского государства, а также правильное прочтение тангутских

оригинальных сочинений...невозможно без адекватного понимания смысла, вложенного тангутами в название своего государства» [1, 7].

На данный момент самым распространенным названием тангутского государства в русской и зарубежной тангутологии является перевод или транслитерация его китайского имени - 西夏 *xīxià* 'Западная Ся', 'Си Ся' или 夏国 *xiàguó* 'государство Ся'. Под этим названием государство тангутов, располагавшееся у западных рубежей Китайской Империи, упоминается в китайских официальных документах той эпохи, а также в династийных историях. Среди эндохоронимов, которыми пользовались тангуты в отношении собственного государства, встречается 大夏 *dàxià* 'Великая Ся', существовало и самоназвание, которое К. Б. Кепинг предлагает переводить как 'Великое государство белого и высокого' (白高大夏国 *bái gāodà xiàguó*), что является переводом названия тангутского государства, записанного самими тангутами китайскими иероглифами, который был обнаружен в одной из тангутских буддистских сутр.

Сами тангуты также называли себя *тi* или *те*, что с тангутского языка переводится как 'человек', 'тот, кто' [7, 19]. Известно также, что по отношению ко всему населению тангутского государства, независимо от этнической принадлежности, употреблялся эндоэтноним "фань", записывавшийся китайским иероглифом 番 [7, 14].

В данном исследовании по отношению к тангутскому государству будет использоваться закрепленное в научном обороте короткое название 西夏 *xīxià* с переводами на русский 'Западная Ся' или 'Си Ся' как наиболее общепринятые и удобные. Для более полного представления об особенностях культуры и языка тангутов необходимо учитывать и название, которое представители данного этноса сами дали своему государству.

Предшественником тангутов считается народ 党項 *dǎngxiàng* ‘дансян’ – так его называют в китайских источниках - или “тангут”, как его называют в источниках тюрко-монгольских народов [5, 35]. Дансянские племена населяли местность к юго-востоку от нынешней провинции Цинхай и к северо-западу от провинции Сычуань, находящихся на территории современной нам Китайской Народной Республики.

Среди дансян считалось влиятельным одно из племенных объединений, возглавляемое родом Тоба. К началу VIII века в результате усиливающегося давления со стороны народов, проживающих на Тибете, дансянские племена мигрировали на север, к территориям возле современной провинции Шэньси, где осели на лессовых почвах и продолжили свое развитие [27, 7] (см. Приложение 1 – рисунок 1.1.). На этих землях в будущем они и создадут свое государство. Нам известно, что земли для поселения дансянских племен были выделены непосредственно китайскими властями, а сам народ был известен в Китае как “племена, [проживающие] в Пинся” [5, 42]. Однако не все дансянцы к X веку н. э. освоили земледелие и осели именно на этих территориях. Часть из них так и оставалась кочевниками, в то время как оседлая часть попала в подчинение Китайской империи и платила китайским властям налоги [5, 43]. Членам семьи Тоба как предводителям дансянских племен в знак признания легитимности их власти и политической роли китайским двором был пожалована фамилия Ли (李).

Начиная примерно с этого момента кочевые и оседлые части дансянских племен расселяются на все большие территории к северо-западу от Китая. Пусть неравномерно, но со временем они уже занимают значительную часть Центральной Азии, и плотнее всего ими были заселены земли в районе пустынного плато Ордос, по обе стороны от Великой китайской стены.

В 982 году тангуты, возглавляемые старейшиной племен из клана Тоба, провозглашают создание собственного государства Западная Ся, пока еще зависимо от Китайской Империи. После этого они начинают борьбу за власть над заселенными ими землями с империей Сун. Она велась с переменным успехом, но уже полвека спустя, в 1028 году, захватив китайские районы Ганчжоу и Лянчжоу, тангуты окончательно закрепляются на этой территории и переносят столицу в город Синчжоу [5, 71].

В 1031 году власть в Западной Ся принял император Юань-хао (元昊). Его статус государя был признан как соседними народами, так и самим Китаем, император которого вручил ему свидетельство на титул вана. Юань-хао не скрывал намерения более не признавать Западную Ся вассалом Китайской империи, и впоследствии, объявив о независимости Западной Ся, взошел на престол своего царства, принял императорский титул и установил собственный девиз правления как атрибут независимой власти. Проведя затем ряд реформ, Юань-хао завершил оформление тангутского государства не только территориально, но и административно [5, 72].

Почти сразу же после установления государственности у тангутского двора возникло естественное желание доказать и продемонстрировать полную – политическую и культурную – независимость от соседних государств. Главным образом от Китая, который в то время являлся идеологическим центром региона. Так, одной из первых проведенных Юань-хао реформ стало изобретение и внедрение в государстве собственной тангутской письменности. Создание своей письменной системы отвечало потребностям нового государства в повышении уровня образования чиновников и создании административного ресурса для развития Западной Ся. Кроме того, появление тангутской письменности стало основой для появления тангутского литературного языка и, таким образом, дало сильный толчок к развитию культурной и духовной жизни

тангутов [4, 262]. Это было необходимым шагом для развития молодого государства.

Таким образом, тангутская письменность была создана, главным образом, по историческим и политическим причинам – в ходе развития тангутского государства и из желания доказать собственную независимость.

Помимо исторического фона формирования тангутской государственности – процесса, повлиявшего в том числе и на тангутский язык, определенное влияние на судьбу национального языка оказало и географическое расположение Западной Ся, в которой проживала большая часть его носителей. Анализ основного ареала распространения тангутского языка может помочь выяснить, носители каких языков проживали по соседству с тангутами и должны были вступать в межязыковое взаимодействие.

Науке на современном этапе пока не известны подробные карты территории тангутского государства, составленные непосредственно самими тангутами, тем не менее ученые все же могут обращаться к сохранившимся китайским источникам. Например, в Российской Государственной Библиотеке хранится рукописный атлас карт тангутского государства, на основании которого известный тангутовед Евгений Иванович Кычанов смог представить достаточно детальную информацию о географическом расположении и территориальном устройстве Западной Ся, ее предположительном рельефе и климате [5, 60].

Согласно данным этого атласа, к моменту образования тангутского государства протяженность его границ составляла порядка 10 тысяч ли, что соответствует примерно 5 тысячам километров. Как отмечает исследователь, «государство Си Ся занимало территории современной китайской провинции Ганьсу и западной части провинции Шэньси, громадную область, простиравшуюся с запада на восток примерно на 1400

километров – от Дуньхуана до берегов Хуанхэ в районе Мичжи, и с юга на север примерно на 650 километров – от Синин до устья Эдзин-Гол» [5, 75]. На востоке тангуты соседствовали с сунским Китаем, на юго-западе – с Тибетом и восточно-тибетскими племенами. Также Западная Ся граничила с киданьским царством Ляо на северо-востоке, и с чжурчжэнями, уйгурами, тюркскими народами на западе (см. Приложение 2 – рисунок 2.1.).

Руководствуясь этими данными о географическом расположении Западной Ся, можно сделать вывод, что тангутский язык должен был в той или иной мере контактировать с китайским, тибетским, киданьским, уйгурским, чжурчжэньским, а также с некоторыми тюркскими языками. Влияние на тангутский язык, главным образом через тексты буддистских сутр, мог оказать и санскрит, распространенный в Индии.

Государство Западная Ся прекратило свое существование в 1227 году, пав под натиском монгольских орд Чингисхана. Государство оказалось буквально стерто с лица земли, и тангуты, носители тангутского языка, переселились на территории Тибета, Китая, Монголии, где постепенно ассимилировались с местным населением. Е. И. Кычанов указывает, что «лишь отрывочные сведения говорят о том, что среди современного населения предгорий Наньшаня могут быть найдены прямые потомки Си Ся» [5, 678]. Таким образом, богатые и самобытные тангутская культура и письмо оказались утерянными и забытыми более чем на шесть сотен лет, вплоть до XIX века.

В 1870 году британский миссионер Александр Уайли (Alexander Wylie) в Китае, неподалеку от Пекина на воротах крепости Цзюйюньгуань (居庸關) обнаружил датированную 1345 годом надпись, выполненную на шести языках: тибетском, монгольском, санскрите, уйгурском, китайском и тангутском. А. Уайли определил, что эта надпись по сути являлась повторением текста одной и той же буддийской сутры на шести языках, но

из-за того, что тангутская письменность в то время еще не была известна, он предположил, что тангутская часть надписи выполнена на чжурчжэньском языке [26, 236]. В 1898 году французский исследователь Габриэль Деверия (Gabriel Deveria) опубликовал китайско-тангутскую надпись, датированную 1094 годом, которую он обнаружил в храме Даюньсы (大雲寺) в Лянчжоу, что позволило соотнести неизвестную письменность, на которой она была написана, с загадочной надписью, обнаруженной А. Уайли. И все же декодировать этот незнакомый язык не представлялось возможным вплоть до 1904 года, когда переводчик французского посольства в Пекине Жорж Морис (George Morisse), обработал и опубликовал купленный на улице города китайский перевод текста тангутской лотосовой сутры. Этого перевода, опубликованного в его работе “Предварительный вклад в изучение письменности и языка Си Ся” (Contribution préliminaire à l'étude de l'écriture et de la langue si-hia) [25] было достаточно для того, чтобы восстановить значение некоторых тангутских иероглифов и определить принадлежность языка к тибетской группе. В данный момент оригинал его работы хранится во Французский национальной библиотеке.

1908 год ознаменовался крупнейшим открытием в истории тангутоведения. В тот год известным русским путешественником Петром Кузьмичем Козловым во время его монголо-сычуаньской экспедиции в пустыне Гоби были обнаружены руины древнего тангутского города Хара-Хото. Разрыв один из субурганов, могильных захоронений, находившихся чуть в стороне от городских стен (что, возможно, и спасло его от разорения при нашествии монголов), участники экспедиции обнаружили огромную библиотеку рукописей на тангутском языке. Находки были отправлены в Санкт-Петербург и переданы на хранение в Азиатский музей Академии наук, ныне Институт восточных рукописей Академии наук, где находятся и по сей день. Через несколько лет ученый Алексей Иванович Иванов первым начал

разбирать находки П. К. Козлова. Среди рукописей и книг Алексей Иванович обнаружил оригинальный китайско-тангутский словарь, написанный тангутами в образовательных целях - 'Жемчужина на ладони' (番漢合時掌中珠). Он исследовал его и опубликовал часть своих результатов в немецкоязычной статье 'К знанию языка Си Ся' (Zur Kenntniss der Hsi-hsia-Sprache) [15]. В этом словаре давался не только перевод тангутских слов на китайский, но также присутствовали транскрипции: произношение тангутского иероглифа записывалось через китайские иероглифы, и наоборот. Таким образом, словарем мог пользоваться не только тангут, но и китаец, и не только для письменного перевода, но прежде всего для общения [3, 117]. Это открытие дало возможность дешифровки и изучения тангутской письменности через китайский язык, предоставив ученым не только языковой материал, но и инструмент для его анализа.

В дальнейшем изучением и исследованием тангутского языка и его письменности заинтересовались ученые со всего мира. Особенно активно это перспективное направление заинтересовало научные сообщества стран, в которые найденные источники были отправлены для хранения: в Советского Союза и позже России, Китая и Японии. Заметный вклад в тангутоведение внесли также французские и датские исследователи, например, Гийом Жак (Guillaume Jacques) и Жорж ван Дрим (George van Driem).

Советское, а впоследствии и российское тангутоведение обладало особым статусом потому, что именно наши ученые в XX веке своими штудиями в значительной степени сформировали базу для изучения тангутов и проложили путь будущим поколениям исследователей. В этом смысле нам чрезвычайно важны исследования, опирающиеся на документы и памятники, хранящиеся в Санкт-Петербурге в Институте Восточных

Рукописей Российской академии наук (ИВР РАН), где находится самая крупная коллекция тангутских текстов – около 9000 единиц хранения. В начале 1960-х годов в Ленинграде сформировалась рабочая группа по изучению тангутского языка и самих тангутов, в состав которой вошли будущие авторы одних из самых значимых трудов по истории, культуре и языку Западной Ся: Евгений Иванович Кычанов, Ксения Борисовна Кепинг, Всеволод Сергеевич Колоколов и Анатолий Павлович Терентьев-Катанский. Они предложили научному сообществу результаты своей работы в виде фундаментальных общих исследований по тангутоведению, специализированных монографий и статей по истории Западной Ся, морфологии, грамматике, синтаксису тангутского языка, религиозной ситуации в тангутском государстве. Также ими был подготовлен к публикации перевод тангутского словаря ‘Море письмен’ (文海) [29 ; 6]. Значительную роль в расширении знаний о тангутском языке также сыграл автор исследований по фонетике и грамматике тангутского языка Михаил Викторович Софронов, опубликовавший множество статей по структуре тангутского языка и представивший признанную научным сообществом фонетическую реконструкцию.

После Второй Мировой войны началось активное исследование тангутского языка в странах Востока: Японии и Китае. Пионерами японского тангутоведения считаются Нишидо Татсуо (西田 龍雄) и Хашимото Мантаро (橋本 萬太郎). Первый из них заложил основу для реконструкции фонетики тангутского языка, которая позже была принята научным сообществом наряду с другим вариантом реконструкции М. В. Софронова [18, 334].

В Китае посвятили себя изучению тангутской грамматики, письма и иероглифики Ли Фаньвэнь (李范文), Ло Фучан (羅福菴), Ли Синькуй (李新魁), Ши Цзиньбо (史金波) и Гун Хуанчэн (龔煌城). В целом, китайскими

учеными было написано больше всего работ по тангутоведению. Однако, по мнению некоторых исследователей, их работы, тем не менее, «уступают в ценности исследованиям советских ученых, так как в Китае нет достаточного количества изученных оригинальных источников, а китайские исследователи, как правило, не слишком глубоко погружены в сферу своих исследований и в основном опираются только на тексты на китайском языке, игнорируя источники на других языках» [18, 342]. И все же, в настоящий момент работы китайских ученых часто становятся полезной литературой и материалом для будущих исследований.

Таким образом, имевшая место в конце XIX – начале XX веков серия открытий, касающихся тангутского языка, в особенности обнаружение П. К. Козловым руин Хара-Хото, фактически ознаменовала рождение новой области науки – тангутоведения и предоставила международному сообществу ценный материал – наследие древнего народа. Язык, культура и история погибшего в XIII веке народа получили шанс стать доступными для изучения и дальнейшего сохранения в истории. Для ученых же это стало возможностью обогатить уже накопленные знания, еще полнее раскрыть историю, культуру, религии языки Средней Азии и Дальнего Востока.

1.2. Понятие ареала распространения языка и ареальных связей

Языки мира едва ли возможно полноценно исследовать абсолютно в отрыве друг от друга: любой язык находится в постоянном тесном контакте с соседями. Более того, сам он внутри себя тоже не монолитен – непрерывно меняется и распадается на диалекты и говоры.

Понятие ареала распространения какого-либо языка или отдельного языкового явления используется преимущественно в научных исследованиях, посвященных вопросам ареальной лингвистики – области

языкознания, исследующей распространение языков и языковых явлений в физическом пространстве. Также в ее рамках изучают характер и специфику изменений, происходящих в разных языках и диалектах вследствие их внутри- и межъязыковых взаимодействий.

Впервые об ареальной лингвистике заговорили во второй половине XIX века, после того как Адольф Пикте (Adolphe Pictet) и Иоганнес Шмидт (Johannes Schmidt) изложили свои новые идеи: концепцию языковой непрерывности и волновую теорию распространения языков.

Концепция языковой непрерывности, впервые предложенная А. Пикте в работе 1859 года 'О происхождении индо-европейцев или первобытные арии' (Les origines indo-européennes, ou Les Aryas primitifs) [14], заключается в том, что диалекты языков распространяются по местности плавно и непрерывно, переходя друг в друга, и при этом соседние диалекты лишь минимально отличаются между собой.

Волновая теория распространения языков, в свою очередь, была изложена в 1872 году XIX века И. Шмидтом в работе 'Взаимоотношения индоевропейских языков' (Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen) [19].

Согласно этой теории, отдельные языковые явления территориально распространяются из центров их зарождения к периферии, при этом постепенно теряя четкость проявления в языке, подобно волнам-кругам, расходящимся от брошенного в воду камня. И. Шмидт противопоставлял эту концепцию некоторым идеям Августа Шлейхера (August Schleicher) – одного из главных представителей сравнительно-исторического языкознания – а именно идее языкового древа. Как отмечал И. Шмидт, «придется признать, что языки, наиболее близкие друг к другу географически, имеют больше общего, чем более отдаленные, что поэтому

существует непрерывная связь от индийских языков, через иранские языки, к славянским и через них к литовскому» [19, 15–16].

Следующим значительным шагом в развитии ареальной лингвистики стало изобретение единого способа обозначения языковых границ на географических картах с помощью изоглосс и создание так называемых диалектологических и лингвистических атласов. Вместе с этим начинает развиваться и ареальная типология языков, лежащая между типологической и генетическими классификациями, в которой языки объединяются в языковые союзы – общности языков с большим количеством общих признаков, приобретенных в результате заимствований и взаимовлияний.

Исследования в ареальной лингвистике могут рассматривать языки как в диахронии, так и в синхронии. В первом случае предметом изучения будет являться процесс распада языков на отдельные диалекты или же определение свойств первичного праязыка в ареале. Во втором случае языки и диалекты исследуются в конкретных временных и географических условиях в контексте межъязыкового и междиалектного взаимодействия.

Ареальная лингвистика под *ареалом* понимает ограниченную территорию, на которой распространены языки, диалекты или отдельные языковые явления: например, изменение в произношении фонем или характере проявлений просодических признаков. Также выделяют ареалы распространения целых групп языков, объединённых по общности признаков. В качестве примера можно привести славянский и индоевропейские языковые ареалы.

Географически близкие языки, сосуществующие в рамках смежных языковых ареалов, постоянно взаимодействуют друг с другом посредством прямых контактов носителей, таким образом находясь в постоянных межъязыковых взаимодействиях и образуя ареальные связи. Характер этих

связей, а также результат их влияния на тангутский язык и является предметом данного исследования.

Перед учеными, занимающимися ареальной лингвистикой, может стоять несколько целей, и в зависимости от них исследователь будет ставить перед собой разные задачи. Если главной целью будет четкое определение границ распространения какого-либо языкового явления, то исследователь, пользуясь доступным ему материалом, начнет работу с обозначением ареалов на карте местности и нанесении на нее изоглосс. Однако, перед ним также может стоять и другая задача – определение характера взаимодействий географически близких языков и выявление особенностей изменений, происходящих или уже произошедших в языках в результате этих взаимодействий. В этом случае исследователь скорее прибегнет к сравнению языкового материала и выявлению заимствований. Именно эти методы мы и будем применять далее в нашей работе.

1.3. Характеристика ареальных связей тангутского языка

Языковые ареальные связи образуются в результате языковых контактов, которые, в свою очередь, обосновываются внеязыковыми факторами: политическими, культурными и социальными взаимодействиями носителей языков. Следовательно, для того, чтобы исследовать контакты языков и их влияние друг на друга, необходимо изучить особенности внеязыковых связей между их носителями. В данном разделе мы, принимая за основной ареал распространения тангутского языка территорию государства Западная Ся, предпримем попытку проанализировать отношения тангутов – носителей этого языка - с соседями, и предположить, какие изменения в тангутском языке могли произойти в результате этих взаимодействий.

Тангутское государство Западная Ся на протяжении всей своей недолгой истории было плотно интегрировано в политическую, идеологическую и культурную жизнь региона. Оно поддерживало постоянные контакты с соседними государствами и народами, однако не со всеми соседями эти контакты были одинаково интенсивными. Из всех соседей лишь с некоторыми поддерживались отношения, достаточно тесные для того, чтобы их языки оказали влияние на тангутский язык: среди них, предположительно, Китай, Тибет, киданьское царство Ляо и чжурчжэньское государство Цзинь. В Западной Ся кроме тангутов проживало множество выходцев из соседних государств и народов, создавая тем самым условия для интенсивного межъязыкового взаимодействия и внутри страны. Ниже мы подробнее рассмотрим особенности отношений тангутов с этими государствами и народами.

Самое сильное влияние на тангутов, как с культурно-политической, так и с идеологической точек зрения, как считается, оказывал Китай. Именно традиции и культура этой страны на протяжении многих веков заимствовались многочисленными народами Центральной Азии и Дальнего Востока, формируя, таким образом, культурный ландшафт, в котором китайская культура играла центральную роль.

Западная Ся не стала в этом случае исключением. Пусть даже тангуты сумели сохранить и преумножить первоначальные традиции народа дансян, ханьская культура плотно интегрировалась в культуру Западной Ся и постепенно слилась с исконно тангутскими идеями. В частности, тангуты заимствовали у Китая конфуцианство, даосизм, институт государственных экзаменов, переняли принципы построения религиозных и литературных произведений и словарей. Кроме того, Китай был одним из путей проникновения в Западную Ся идей буддизма. «Влияние Китая на тангутскую культуру выразилось в переработке традиций: религиозной ... письменной и художественной. Буддизм играл важную роль в тангутском

государстве, так как выполнял функцию государственной идеологии, в то время как система государственного устройства в Си Ся воспроизводила социально-политическое устройство Поднебесной, базировавшееся на государственной идеологии конфуцианства» [13, 23]. Разумеется, столь объемные интегрирования иностранных элементов в культуру должны были сопровождаться и заимствованиями крупных пластов лексики, имеющих непосредственное отношение к названным культурным явлениям. Частое взаимодействие с китайским языком, предположительно, могло отразиться и на фонетической системе тангутского языка, так как возникала необходимость повторять фонетику языка-донора, из которого пришло заимствование.

Мы также можем оценить степень важности китайского языка для тангутов, если обратимся к уже известным нам текстам. Из перевода предисловия китайско-тангутского словаря ‘Жемчужина на ладони’, мы узнаем, что этот словарь был создан именно для обучения тангутов китайскому языку. Как отмечает А. И. Иванов, «в предисловии автор заявляет, что произведение преследует цель дать возможность своим соотечественникам изучать китайский язык, “поскольку непонимание людей друг друга препятствует распространению духовной культуры”» [15, 4]. Очевидно, в Западной Ся проживало достаточное количество владеющих китайским языком людей, а контакты с Китаем проходили достаточно интенсивно, чтобы незнание китайского языка влияло на распространение знаний или приводило к взаимному непониманию между жителями государства.

Исследователи также отмечают, что, создавая собственную письменную систему, тангуты во многом опирались на принципы построения именно китайских иероглифов. Как отметил Николай Александрович Невский, на изобретателя тангутской письменности оказали немалое влияние китайские иероглифы и их структура [7, 79]. «Тангутское

письмо было создано по образцу китайского, и заложенные в китайском письме механизмы формирования знаков из графических элементов и отдельных черт были творчески развиты тангутскими филологами» [9, 9–10]

Среди тангутских рукописей присутствует множество переводных документов и литературных произведений, большая часть из которых – переводы с китайского и тибетского языков. Это также подтверждает, что для жителей Западной Ся ценность культурного наследия этих двух народов была особенно ценна: с ним активно знакомились и включали в свою культуру.

В тангутском государстве буддизм играл роль основной религиозной и идеологической основы. При этом, сразу после основания государства тангуты «встали перед дилеммой выбора идеологического направления... осознав себя между Тибетом и Китаем в прямом и переносном смысле этого слова» [5, 589]. К тому же, в Западной Ся кроме тангутов проживало множество представителей других этносов, и группы тибетцев и китайцев были очень велики. В результате тангуты заимствовали идеи как китайского, так и тибетского буддизма, синтезировав их концепции в свою собственную уникальную государственную религию. Следовательно, можно предположить, что массив связанной с религией заимствованной лексики из тибетского языка в тангутском тоже был сравнительно крупным. В распоряжение жителей Си Ся попадали и буддистские сутры, написанные на санскрите. Их корректный перевод на тангутский язык требовал изобретения новых способов отражения фонетических особенностей санскрита с использованием существующих инструментов тангутского языка. Таким образом, правомерно сказать, что санскрит тоже, пусть и не напрямую, но повлиял на язык тангутов.

Активные военные и культурные контакты были у Западной Ся и с государствами чжурчжэней и киданей – царством Цзинь и империей Ляо,

соответственно. На протяжении всей истории существования Западной Ся между ней, империей Сун, и названными выше государствами постоянно велись войны и устанавливались перемирия. Императорский дом Си Ся даже породнился с двором царства Ляо. «Установление родственных связей между двумя дворами привело к сближению Си Ся и Ляо. Кидане неоднократно выступали посредниками в мирных переговорах Си Ся и Сун» [5, 138]. Вероятно, близкие отношения между тангутами и киданями могли привести к лексическим заимствованиям или другому влиянию этих языков друг на друга.

К сожалению, в настоящий момент ученые не располагают достаточно подробной информацией о взаимоотношениях тангутов с соседними народами, населяющими земли к западу от Западной Ся. Отчасти недостаток знаний ученых по этой теме объясняется тем, что в основном тангутоведы узнают о Си Ся из сохранившихся китайских источников, информация в которых главным образом синоцентрична. Однако нам известно, что на западе тангуты должны были контактировать с уйгурами, восточнотибетскими и тюркскими племенами, а также с кара-китайцами, и эти связи должны были быть достаточно тесными как в торговом (жители Си Ся, как и эти народы, населяли земли вдоль Великого шелкового пути), так и в политических отношениях [5, 373–376]. Тем не менее, в силу уже упомянутого дефицита информации в настоящий момент представляется маловероятным получить полное представление о последствиях именно межъязыкового взаимодействия между тангутским и языками этих народов. Недостаточно исследованы для полноценного анализа их взаимоотношений с тангутским языком, по нашему мнению, также языки киданей и чжурчжэней. Поэтому в данной работе мы сосредоточимся на исследовании взаимоотношений тангутского, китайского, тибетского языков и санскрита.

Итак, познакомившись тангутским языком, изучив его историю и примерно ограничив ареал его распространения территорией тангутского

государства, мы выяснили, что на него в силу специфики контактов тангутов с соседями самое заметное влияние должен был оказать китайский язык и его письменность. Кроме этого, можно предполагать, что на структуру тангутского языка и письменности оказал влияние тибетский язык, санскрит и, возможно, язык киданей и чжурчжэней.

Глава 2. О некоторых особенностях исследования языкового взаимодействия тангутского языка

2.1. Основные источники, проблемы и методы исследования мертвых языков

В языкознании к мертвым языкам причисляют те из них, у которых на момент проведения исследования не осталось живых носителей. Соответственно, становится невозможным применение уже ставших традиционными в лингвистике методов исследования языков, таких, как, например, полевая работа с информантами – носителями языков и анализ спонтанно порожденной письменной и устной речи. Основными источниками для ученых в этом случае выступают письменные памятники: либо ранее утраченные и найденные в результате раскопок, либо сохранившиеся среди других источников. Доступный для изучения языковой материал, таким образом, оказывается ограничен. Науке и истории известны случаи, когда количества и качества найденных источников просто не было достаточно, чтобы адекватно расшифровать и проанализировать особенности какого-либо мертвого языка. Начальный этап расшифровки тангутского письма до обнаружения руин Хара-Хото, о котором мы писали ранее в первой главе, может служить показательным тому примером.

Более того, в случае если работа ведется с материалами мертвых языков, в целом уместно усомниться в принципиальной возможности их окончательного и непротиворечивого исследования: ни сейчас, ни в будущем лингвисты не смогут проверить свои выводы на практике. И, тем не менее, применяя преимущественно *сравнительно-исторический метод* и *метод реконструкции* языковых систем, научное сообщество может добиться значительного понимания мертвых языков, чтобы впоследствии использовать эти знания в других исследованиях. Например, для

построения и уточнения геологических и типологических классификаций языков.

Сравнительно-исторический метод в языкознании заключается в поиске и сравнении материалов живых и мертвых языков. Это делается с целью определения их характерных особенностей, установления факта и степени родства. Если же родства нет, сравнение языкового материала помогает определить причины и масштаб межъязыкового влияния, непосредственно не связанного с родством.

Поэтому первостепенной задачей исследователей мертвых языков является поиск, обработка и дальнейшая расшифровка источников – прежде всего словарей или полилингвальных текстов – во-первых, чтобы найти инструмент для дешифровки, и, во-вторых, для увеличения объема исследуемого языкового материала.

Еще одной сложностью работы с мертвыми языками является заметная зависимость выводов научных работ от характера доступных для изучения источников. Например, применимо к тангутскому языку достаточно большую часть имеющихся материалов составляют канонические произведения, которые, по мнению ряда ученых, не очень удобно использовать, в частности, для грамматической реконструкции. Это объясняется тем, что многие исследователи-реконструкторы при работе с тангутскими текстами опирались на их китайский перевод, дабы исключить вероятность ошибочного толкования. Как отмечает К. Б. Кепинг, это вприводило к «сильной китаизации тангутского текста»: буддистские и конфуцианские канонические тексты часто переводились с китайского на тангутский буквально, что искажало оригинальную тангутскую грамматику. Следовательно, для корректной реконструкции тангутского языка возникает необходимость использовать неканонические тексты, которые «в большей степени, чем язык канонических произведений, соответствует

нормам собственно тангутского языка.» [2, 16–17]. Кроме того, тематическая направленность источников, будь то религиозные, административные или литературные тексты, определяет характер использующейся в них лексики, и, если текстов какой-либо определенной тематики или текстов-переводов среди всех текстов сравнительно много, это будет влиять на релевантность результатов исследований.

Отдельной проблемой в изучении вымерших языков является восстановление их звучания – фонетическая реконструкция. Важность именно фонетической реконструкции сложно переоценить, так как установление факта родства языков – главная цель сравнительно-исторического языкознания – невозможно без вычисления регулярных фонетических соответствий.

В случае мертвых иероглифических языков, коим является тангутский, нельзя напрямую определить фонетическую структуру лишь на основании текстовых записей. Поэтому ученые обращаются к словарям и материалам других языков, звучание которых уже известно, чтобы на основании сравнительного метода восстановить фонетику.

Рассмотрим проблематику фонетической реконструкции иероглифических языков на примере тангутского языка. М. В. Софронов отмечает, что для адекватной реконструкции звучания языков с иероглифической письменностью следует пользоваться как внешними, так и внутренними письменными источниками [8, 6]. Под внешними источниками в этом случае подразумеваются, главным образом, иностранные словари и транскрипции тангутских текстов, в которых через знаки другого языка передается звучание тангутских иероглифов, а под внутренними – словари и фонетические таблицы, составленные непосредственно самими носителями тангутского языка. Ограничиться материалом иностранных словарей невозможно, потому что иноязычные

транскрипции используют фонемы своего языка для передачи звучания наиболее близких по форме звуков другого языка. Если опираться только на внешние источники, результат фонетической реконструкции окажется лишь приблизительным отражением реальной системы, несущим отпечаток фонетики языка, который был использован для транскрипции. Кроме того, возможно и такое, что из-за особенностей транскрипции – совпадения или несовпадения звуковой стороны разных языков – различные единицы транскрибируемого языка будут передаваться одинаково, или же наоборот, разные единицы получают одинаковую транскрипцию [8].

Кроме того, исследователям неизвестно, были ли тангутско-иностранные и иностранно-тангутские транскрипции текстов во всех случаях выполнены достаточно компетентными людьми, хорошо владеющими обоими языками. [8, 178] Именно поэтому в процессе фонетической реконструкции необходимо обращаться и к материалам внутренних источников – главным образом словарей ‘Море письмен’ (文海), ‘Омофоны’ (同音) и фонетических таблиц.

Полезность данных словарей для фонетической реконструкции объясняется, прежде всего, их структурой: в словаре ‘Море письмен’ слова расположены по рифмам – конечным гласным слога, в словаре ‘Омофоны’ иероглифы для удобства поиска распределены по инициалам – начальному согласному [8, 177]. Таким образом, соединив инициалы и рифмы, можно восстановить примерную транскрипцию слов.

Еще одна проблема реконструкций – разграничение их синхронического и диахронического аспектов. В первом случае конечной целью ученого является общая реконструкция всей системы или отдельной ее части, и на разные этапы развития языка не обращается внимание. В этом случае материалами для реконструкции могут выступать все подходящие источники, пусть даже созданные в разное время. Во втором же случае

главная задача – понять, как язык изменялся во времени. Поэтому реконструктору крайне важно датировать и не смешивать материалы источников разных лет создания, ведь в этом случае не удастся определить состояние языка на разных этапах его развития.

Для диахронической фонетической реконструкции конкретно тангутского языка, например, были использованы не только внутренние источники – уже упомянутые словари – но и внешние источники: например, китайско-тангутский словарь ‘Жемчужина на ладони’, составленный в другое время, а значит, показывающий иную языковую ситуацию. Было установлено, что ‘Море письмен’, скорее всего, отражает состояние тангутского языка начала XI века, а словарь ‘Жемчужина на ладони’ актуален языковой ситуации XII века. Так, сравнение исследований этих источников, созданных в разное время, позволяет сделать вывод о том, как фонетическая система тангутского языка изменилась примерно за сто лет.

Итак, необходимость исследования вымерших языков, у которых не осталось живых носителей, ставит перед лингвистами целый ряд новых, порой неразрешимых до конца проблем и препятствий. Исследователь не может работать с информантами и часто попадает в ситуацию, когда материал исследуемого языка ограничен или не может быть полностью достоверным. Тем не менее, ученые прибегают к доступным им методам: сравнению с материалами других языков и реконструкции, чтобы составить наиболее полную картину представлений о языке. Все это применимо как к тангутскому языку, так и к другим его вымершим языкам-соседям, подробная информация о которых необходима нам, чтобы выделить в тангутском языке явления, появившиеся в результате ареальных взаимодействий.

2.2. Генетическое родство тангутского языка и его соседей

В языкознании структурное, типологическое и иное сходство языков часто связывают с родством, и уже в меньшей степени с географической близостью и результатом интенсивного межъязыкового взаимодействия. Действительно, многие из особенностей языки наследуют от общего языка-предка. Носители этого условного праязыка, разделяясь на отдельные сообщества, расселяются по соседним территориям и со временем отдаляются друг от друга. Чем дальше сообщества отдаляются друг от друга в пространстве и во времени, тем больше будут различаться и языки, на которых они разговаривают.

Принимая это во внимание, языки этносов, живущих в одно время на соседних территориях, с высокой вероятностью будут генетически близки, и их сходство будет в меньшей мере обозначено последствиями именно взаимовлияния, имея большее отношение к родству. В то же время они все еще будут активно взаимодействовать, обеспечивая тем самым накопление заимствований, как лексических, так и фонетических и грамматических (в зависимости от длительности и активности контакта). По этой причине, исследуя языки, очень важно уметь проводить границу между заимствованным и унаследованным, и на сегодняшний день это часто представляет определенную проблему для лингвистов.

Для того, чтобы решить эту проблему в контексте данной работы, следует обратить особое внимание на место тангутского языка и его соседей в генетической классификации языков и определить, насколько он генетически близок к языкам-соседям.

Тангутский язык принадлежит к гьялронг-цянской ветви тибето-бирманской языковой подсемьи, которая, в свою очередь, является частью уже сино-тибетской языковой семьи [20]. К этой семье также относятся

китайский и тибетский языки, которые считаются самыми крупными ее представителями. Тангутский язык родственен обоим этим языкам, но генетически считается ближе к тибетскому.

На данный момент на языках, принадлежащих к сино-тибетской семье (далее – СТ), говорит более миллиарда человек, большая часть из которых, однако, – носители Китайского языка (или китайских языков, если мы вслед за некоторыми Западными исследователями признаем самостоятельность его диалектов). Живых носителей именно тибето-бирманских языков, в число которых китайский не входит, не так много - всего около 56 миллионов. И все же, «хотя общее количество говорящих на тибето-бирманских языках... меньше, чем количество говорящих на тай-кадайских или мон-кхмерских/австроазиатских языках, количество самих языков, причисляемых к тибето-бирманской группе - самое большое среди всех групп, распространенных в Восточной и Юго-Восточной Азии» [21, 478].

Ученым до сих пор известно не так много о большинстве СТ языков, особенно в сравнении с тем объемом знаний, который имеется, например, об индоевропейских языках. Для ученых, исследующих эту семью, до сих пор дискуссионны такие вопросы, как, например, реконструкция сино-тибетского праязыка, классификация языков внутри группы или восстановление истории распространения языков в регионе. Причинами этого является не только сравнительно меньший интерес к языкам этой семьи со стороны научного сообщества (по сравнению, опять же, с интересом к более изученным индоевропейским языкам), но и тот факт, что исследования истории и классификация сино-тибетских языков связаны с определенными трудностями.

Во-первых, СТ языки заметно типологически различаются между собой, из-за чего поначалу могут возникнуть сомнения в самом факте или степени их родства. Во-вторых, языки внутри семьи очень часто

контактируют между собой, увеличивая тем самым количество заимствований. В-третьих, нерегулярные морфологические и аналогические изменения в языках мешают отслеживанию регулярных фонетических изменений, по которым, как правило, и определяется родство языков [22].

Согласно результатам сравнительно-исторического исследования, проведенного группой ученых, в которую входили Юньфан Лай и Гийом Жак, тангутский язык следует относить к западно-гьялронгским языкам. При этом тангутский является «единственным задокументированным средневековым гьялронгским языком» [23] и это означает, что со своими соседями тангутский грамматически был не слишком близок, так-как они относились к другим подгруппам тибето-бирманских языков. Несмотря на это, тангутский, как и многие другие тибето-бирманские языки, отличается достаточно развитой морфологией и сохраняет, например, механизм глагольного согласования с помощью суффиксов и внутренней флексии [17]. Соседний ему в то время среднекитайский язык в этом смысле отличается – он аналитический, в нем не наблюдается развитой морфологии и механизмов согласования слов в предложении, и это дает нам возможность предположить, что влияние китайского языка на тангутский, по всей видимости, было недостаточно долгим и активным, чтобы затронуть основы грамматической системы языка.

Другие крупные соседние с тангутским языки: киданьский и чжурчжэньский, несмотря на их относительно слабую изученность, все же относят к другой языковой семье – алтайской. Уже это позволяет нам сказать, что их возможное сходство с тангутским не связано с непосредственным родством и должно быть объяснено ареальным взаимодействием.

Итак, из вышесказанного мы можем заключить, что тангутский язык, являясь единственным представителем гьялронгских языков того времени, был не слишком близок генетически к своим соседям по языковой семье. Тем не менее, он сохранил основные грамматические признаки тибето-бирманских языков и их развитую морфологию.

Китайский язык, оказавший самое большое влияние на тангутский, пусть и относится к одной с ним языковой семье, все же очень далек от него генетически. Одновременно с этим, языки киданей и чжурчжэней – еще одних соседей тангутов – вовсе не относятся к сино-тибетским языкам. Таким образом, тангутский язык достаточно генетически далек от большинства своих непосредственных соседей. Опираясь на этот факт, мы можем пытаться объяснить большинство их возможных лексических и фонетических сходств не генетикой, а именно ареальным взаимодействием.

Глава 3. Об особенностях тангутского языка, возникших в результате ареальных взаимодействий

В этой главе, на основании рассмотренных ранее теоретических представлений, предпримем попытку проанализировать материал тангутского языка: его письменность, фонетику и лексику, чтобы определить, какие языки-соседи по ареалу повлияли на систему тангутского языка и его письменность больше всего. Но перед этим, для удобства систематизации уже известных фактов, нам бы хотелось представить основную характеристику ареальных контактов тангутского языка, о которых мы имеем достаточно информации, в виде следующей таблицы:

Таблица 1. Характеристика ареальных контактов тангутского языка.

Язык контакта	Примерный период контакта, в.в. н.э.	Географическое соседство	Генетическое родство	Престиж языка в сообществе	Характер контакта
Китайский	VIII – XIII	да	да	да (<i>Lingua franca</i>)	прямой
Тибетский	VIII – XIII	да	да	нет	прямой
Санскрит	XI – XIII	нет	нет	нет	непрямой (через тибетский и китайский)

3.1. Связь тангутской и китайской письменностей. Основы структуры и классификации тангутских иероглифов

Как уже было упомянуто ранее, тангутская письменность была изобретена по приказу императора Западной Ся в довольно короткий промежуток времени на раннем этапе развития тангутской государственности. Представляется довольно естественным, что в таком случае в процессе разработки основных правил построения иероглифики, тангуты должны были использовать уже известные им и распространенные

на практике принципы. Как считает большинство ученых – тангутоведов, выбор тангутов пал на китайскую иероглифику, основные идеи построения которой уже были достаточно хорошо описаны прежде всего самими китайцами и доступны для заимствования.

Тангуты, тем не менее, не слепо копировали принципы построения китайской письменности. Создание чисто идеографического письма по китайской модели было бы, в первую очередь, не совсем адекватно особенностям самого тангутского языка, который не являлся, как среднекитайский, аналитическим. Письменность должна была отражать его грамматические особенности, включающие наличие, в том числе, фонетических чередований – внутренних флексий. Поэтому тангуты «создавали знаки своего письма так, чтобы учитывалось сходство как фонетики, так и семантики» [11, 503]

Далее мы рассмотрим основные принципы построения тангутской письменности, определим, как именно были заимствованы идеи китайской иероглифики, и есть ли среди тангутских иероглифов такие, чье существование было бы невозможно без влияния на тангутский язык извне: постоянном переводе текстов и, следовательно, необходимости транскрибирования иностранных слов.

Говоря о структуре тангутского письма, Е. И. Кычанов выделяет в тангутских иероглифах восемь простейших графических элементов – строк, которые формируют так называемые «идеографообразующие элементы» или «ключи» – минимальные значимые части знака, самостоятельно употребляющиеся при конструировании иероглифа и являющиеся его частями. Идеографообразующих элементов выделяют два типа: *детерминативы*, указывающие на лексическое значение и *фонетики*, указывающие на чтение [5, 408]. Они сочетаются друг с другом и складываются в цельные иероглифы. Некоторые тангутские ключи как

семантически, так и по внешнему виду напоминают ключи из китайского языка. Тангутское письмо действительно, по всей вероятности, их заимствовало.

Например, ключ “человек” в китайском и тангутском языках:

人 (сокр. 亻) ‘человек’ - 命 ‘судьба’; 令 ‘приказ’; 他 ‘он’

彡 ‘человек’ - 彡 ‘сердце’; 彡 ‘фамилия’; 彡 ‘вред’

На протяжении истории изучения тангутского языка ученые выделяли разное количество ключей, и в некоторых случаях количественная разница довольно существенна. Например, Эрик Гринстед (Eric Grinstead) в своей работе 1975 года ‘Анализ тангутской письменности’ (Analysis of the Tangut Script) выделяет всего 155 ключей, в то время как Ши Цзиньбо в работе 1983 года ‘Исследование Моря Иероглифов’ (文海研究) выделяет их уже 444. Более полные данные о количестве детерминативов, выделяемых разными исследователями, приведены в приложении к данной работе (Приложение 3 – таблица 3.1.).

До сих пор не сложилось единого мнения о точном количестве ключей в системе тангутской письменности, и, более того, некоторые исследователи, в частности Люк Квантен (Luc Kwanten), ставят под сомнение саму адекватность попыток закрепить систему ключей тангутского языка, которая бы брала за основу систему ключей китайского языка, принимая ее не как действительно существующий компонент языковой системы, а лишь как условный инструмент для исследователя, как способ упростить и упорядочить имеющиеся данные [24]. Однако, большинство ученых – тангутоведов все же придерживается традиционной точки зрения, соглашаясь с тем, что именно ключевая система по примеру китайской является основой тангутского письма.

Распространенная классификация иероглифов тангутского языка опирается на вышеописанную ключевую систему и в значительной степени схожа с классификацией китайской иероглифики, представленной древнекитайским филологом Сюй Шэнем в словаре ‘Шовэнь цзецзы’ (说文解字). Ее хорошо описал, в частности, китайский тангутовед Ши Цзиньбо. Ниже мы с опорой на его работу и на материалы статей российского тангутоведа Дмитрия Андреевича Худякова рассмотрим основы классификации тангутских иероглифов, обратив особое внимание на то, как в структуре некоторых из них проявляется сходство с китайскими иероглифами. Также мы рассмотрим виды иероглифов, которые имеют отношение к транскрипции или записи заимствованных слов.

Тангутские иероглифические знаки делятся на *простые* и *сложные*. Простые иероглифы в большинстве случаев принимают участие в формировании сложных иероглифов, выступая в качестве их составных частей. Они делятся на *семантические* и *транскрипционные*: семантические иероглифы обозначают слово с фиксированным значением, например:

𐰇 ‘половина’, 𐰇 ‘старый’, 𐰇 ‘кожа’,

Транскрипционные иероглифы передают звучания слов, и, как правило, использовались для транскрибирования и записи иностранных заимствований:

𐰇 *tsja* ‘подарок, ритуал’, 𐰇 *tu* ‘глупо’ 𐰇 *kju* ‘передача звука kju’ [27].

Сложных иероглифов выделяют шесть типов:

- 1) идеографические;
- 2) фонетико-идеографические;
- 3) фонетико-семантические;

- 4) сино-фонетико-идеографические;
- 5) иероглифы, составленные по принципу «разрезания»;
- 6) с удлиненной рифмой;

Идеографические сложные иероглифы объединяют семантику простых иероглифов, из которых они состоят графически:

<i>танг.</i>	<i>Семантик 1</i>	<i>Семантик 2</i>	
	灋 ‘вода’	阡 ‘земля’	灋 ‘грязь’.
	心 ‘сердце’	鞏 ‘крепкий, тяжелый’	犟 ‘упрямый’

В китайском языке тоже распространены иероглифы такого типа:

<i>кит.</i>	<i>Семантик 1</i>	<i>Семантик 2</i>	
	人 ‘человек’	木 ‘дерево’	休 ‘отдыхать’
	小 ‘маленький’	大 ‘большой’	尖 ‘острый’

Дополнительно можно сказать, что в тангутском языке встречаются идеографические иероглифы, составленные из двух синонимичных единиц или же такие, одна из частей которого представляет собой заимствованный из китайского языка элемент [11]

Графические элементы внутри иероглифа вступают между собой в связи, подобные тем, в какие вступают морфемы внутри многосоставных слов современного китайского языка. Отношения между морфемами в словах или предложении ассоциируются в этом случае с отношениями между графическими элементами внутри одного знака. Так, иероглифы могут быть составлены по сочинительной, глагольно-объектной,

атрибутивной, субъектно-предикативной или преобразовательной моделям.
[27, 143]

В **фонетико-идеографических иероглифах** одна часть выступает фонетиком и отражает звуковую сторону знака, а другая – семантиком, являясь носителем основного значения. Приведем примеры и сравним их с иероглифами того же вида в китайском языке:

	<i>Фонетик</i>	<i>Семантик</i>	
<i>танг.</i>	禡 <i>dow</i>	𦉑 ‘смотреть’	𦉑 <i>dow</i> ‘смотреть’
	𠂔 <i>khjə</i>	𦉑 ‘скот’	𦉑 <i>khiwə</i> ‘рог’
<i>кит.</i>	居 <i>ju1</i>	手 ‘рука’	据 <i>ju1</i> ‘опираться’
	马 <i>ma3</i>	口 ‘рот’	骂 <i>ma4</i> ‘ругаться’

Фонетико-семантические иероглифы схожи по принципу организации с фонетико-идеографическими, но ближе к идеографическим иероглифам: в них также одна часть представлена фонетиком, но фонетический компонент знака не только передает звучание, но также несет определенное лексическое значение, которое влияет на смысл всего иероглифа.

	<i>Фонетик</i>	<i>Семантик</i>	
<i>танг.</i>	𦉑 <i>sjwi</i> ‘зубы’	𦉑 ‘монстр’	𦉑 <i>sjwi</i> ‘волк’
<i>кит.</i>	良 <i>liang2</i> ‘хороший’	王 ‘правитель’	琅 <i>lang2</i> ‘нефрит’

Сино-фонетико-идеографических иероглифов в системе сравнительно немного, но они интересны тем, что в их внутренней форме отражается китайское произношение заимствованного из китайского языка слова. Это достигается за счет включения в состав сложного иероглифа фонетика и семантика с подходящим звуковым обликом и значением. Они используются в случаях, когда важно сохранить оригинальное звучание языковой единицы, при этом дав указание на его значение. Например, такими иероглифами записывали иностранные фамилии:

𠂇 ‘семья’ 𠂇 *niu* ‘фонетик’ - 𠂇 *gjiw* ‘китайская фамилия *niu*’

Иероглифы, составленные методом «разрезания». Хотя иероглифов такого типа менее одного процента от всех знаков тангутского словаря, для исследователей они представляют особенный интерес, являясь, по всей вероятности, «свидетелями перехода от идеографической к фонетической письменности» [27, 144]. Метод «разрезания», или ‘фаньце’ (反切), в прошлом использовался в китайских словарях как способ передать чтение неизвестного иероглифа через два других иероглифа, звучание которых предположительно уже было знакомо читателю. Чтобы понять, как читается иероглифический знак, необходимо было соединить инициаль – начальную согласную слога – первого знакомого иероглифа и рифму – заключительную часть слога – второго.

Аналогичный принцип использовался и при создании тангутских иероглифов данного типа – части существующих иероглифов объединялись вместе - звучание получившегося знака было соединением инициали и рифмы исходных двух знаков. Знаки фаньце использовались, в основном, для транскрибирования иностранных слов и не имели собственной семантики, так как передавали лишь звуковую форму передаваемого слога [11].

Например:

Инициаль Рифма

𠄎 xji 𠄎 ja 𠄎 xja

𠄎 lu 𠄎 twa~ 𠄎 lwa~

Иероглифы с «удлиненной рифмой», которыми записывались слоги с длинной конечной гласной, использовались для того, чтобы лучше передать длинные гласные в заимствованных из санскрита словах. Это было важно при переводе на тангутский язык религиозной литературы, ведь для этого требовалось научиться передавать звучание буддистских сутр с помощью имеющихся в тангутском языке средств. Для этого, к транскрипционному иероглифу с необходимым звучанием прибавляли иероглиф 𠄎 со значением ‘длинный’.

Из всего вышесказанного мы можем сделать вывод, что тангуты, по всей видимости, действительно заимствовали приемы построения иероглифов из китайского языка. Как и знак китайской письменности, тангутский иероглиф состоит из ключей, которые могут выступать как семантик и фонетик в составе сложных иероглифов разных типов. Самые распространенные виды тангутских сложных иероглифов: идеографические, фонетико-идеографические и фонетико-семантические, в свою очередь, построению очень похожи на сложные иероглифы китайского языка сходных типов. Однако, в тангутском языке обнаруживаются и оригинальные виды иероглифов, создание которых обосновывалось необходимостью транскрибирования иностранных слов и отражения, в том числе, грамматических особенностей тангутского языка: сино-фоно-идеографические иероглифы, иероглифы «фаньце» и иероглифы с удлиненной рифмой.

3.2. Основы фонетической системы тангутского языка. Фонетические изменения в тангутском языке, произошедшие под влиянием языковых контактов

Нам представляется, что единицы тангутского языка адекватней всего описывать таким понятием современной лингвистики восточных языков, как *слогоморфема*. Это значит, что границы морфем и границы слогов в тангутском языке совпадают.

Вершиной тангутского слога является гласная, которая оформляется с одной или обеих сторон другими гласными или согласными фонемами. Тангутские филологи в описании слогов своего языка использовали принципы традиционной китайской филологии, разделяя их на инициаль – начальную согласную, и финаль – остальную часть слога, которую еще принято называть рифмой [12, 1–2].

В разное время было предложено несколько вариантов реконструкции тангутской фонетики: свое видение предлагали, в частности, М. В. Софронов, Тацуо Нисида, Синтаро Аракава и Гун Хуанчэн.

На данный момент ученые не достигли консенсуса относительно единственно верного варианта реконструкции фонетики, однако, реконструкция Гун Хуанчэна является наиболее распространённой и признается многими исследователями [28, 131].

В тангутском языке выделяется девять классов инициалей: губные смычные, губные фрикативные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные, свистящие шипящие, гортанные и плавные. Кроме этого, в некоторых классах выделяются глухие-чистые, глухие придыхательные, звонкие/ полусонанты и сонанты/ фрикативные инициали [12, 3] (Приложение 4 – таблица 4.1.).

Изначально система рифм тангутского языка была представлена 97 рифмами ровного тона и 86 рифмами восходящего тона (всего – 183), которые подразделялись на несколько звуковых типов: *-и, -е, -а, -э, -аі, -еш, -эш, -о, -и*. Согласно порядку, по которому рифмы расположены в словаре ‘Море Письмен’, их можно разделить на *циклы* – группы рифм, сочетающихся с одними и теми же инициалами, и на так называемые ‘дэны’ (等).

Дэн – заимствованное из традиционной китайской филологии понятие. Оно означает группы слогов, которые включают рифмы с гласными разного подъема, но одного ряда [12]. Внутри каждого цикла рифмы располагались в порядке от первого до третьего дэнов, а внутри самих дэнов сначала располагались открытые слоги, затем слоги со смычковым согласным, и в конце слоги с конечным сонантом [12, 6].

Традиционно считалось, что в тангутском языке изначально было два тона: ровный и восходящий. Однако М. В. Софронов на основании материала внутренних источников фонетической реконструкции, в которых указывается на существование в тангутском языке не двух, а четырех тонов, предположил, что в тангутском языке уже конца XII века два тона разделились и начали произноситься в двух регистрах каждый. Ю. С. Худяков это наблюдение объясняет тем, что с момента создания тангутской письменности веком ранее, система тонов в тангутском непрерывно развивалась и постепенно изменялась под воздействием четырехтонового китайского языка [12, 7]. Так, частые языковые контакты с китайским привели к частичному изменению тоновой системы тангутского языка.

Китайский язык повлиял и на систему рифм тангутского языка. Как предполагают некоторые китайские исследователи на основе анализа и сравнения тангутских и китайских источников: словарей ‘Море письмен’,

фонетического словаря ‘Уиньцеюнь’ (五音切韻) и китайских словарей рифм, в тангутском языке XII века обнаруживаются порядка десяти новых рифм, имеющих носовые окончания. Назализированные окончания рифм изначально отсутствовали в тангутской фонетике, и их возникновение, по всей вероятности, связано с именно влиянием китайского языка, в котором назализированные звуки в рифмах как раз присутствуют (например, *-an*, *-en*, *-in*) [29].

Так, можно заметить, что частые ареальные контакты с китайским языком все же повлияли на фонетическую систему тангутского языка: в нем изменились и пополнились тоновая система и система рифм. Эти замечания дают нам понять, что со временем фонетика тангутского языка постепенно менялась и сближалась с китайской фонетикой. Можно предположить, что не последнюю роль в этом сыграл активный процесс заимствований китайской лексики в систему китайского языка.

3.3. Специфика и классификация лексических заимствований тангутского языка

Лексика является самой подвижной и склонной к заимствованию системой языка. Если для того, чтобы в результате межъязыковых контактов произошли изменения в фонетике или грамматике, должно пройти весьма заметное количество времени при сохранении постоянного и интенсивного взаимодействия между носителями, то лексика заимствуется сравнительно быстро, и так же быстро, порой, она исчезает из словаря. Новые слова и фразеологизмы приходят в язык вместе с новыми реалиями и интегрируются в словарном составе, являясь одним из самых продуктивных способов его пополнения и обновления. Станут ли в будущем заимствования частью узуса или же окажутся не актуальны и пропадут из словарного состава, во многом зависит от их актуальности внеязыковым

реалиям каждого исторического периода. Заимствоваться могут не только лексические единицы, относящиеся к новоприобретенным реалиям языкового сообщества, но и аналоги уже присутствующих в лексиконе носителей слов.

Анализ лексических заимствований, вероятно, является одним из действенных способов оценить интенсивность и характер языкового и внеязыкового взаимодействия различных этносов. По размеру, характеру, и устойчивости пластов заимствованной лексики в языке-реципиенте, можно судить о его связях с языками-донорами или языками-посредниками.

По этой причине далее мы предпримем попытку проанализировать лексику тангутского языка на материале одного из словарей, чтобы выделить в ней часть заимствованной лексики из разных языков и построить на их основе классификации заимствований.

Материалом для данного исследования станет содержание тангутско-русско-английско-китайского словаря «Словарь тангутского (Си Ся) языка» авторства Евгения Ивановича Кычанова и Синтаро Аракавы [31]. Данный источник был нами выбран по причине удобства систематизации и поиска в нем лексики, а также наличию доступного перевода и транскрипций. Во многих словарных статьях данного словаря дается перевод не только слов, но в том числе и словосочетаний. Принимая во внимание, что слова китайского языка того времени были все же односоставными, мы, тем не менее, будем рассматривать и такие случаи, если после сравнения семантики и транскрипции будем предполагать наличие факта заимствования одного или нескольких слов данного словосочетания в тангутский язык.

Выделять заимствованную лексику тангутского языка мы будем методом ее сравнительного анализа с лексикой языков-доноров, а также по семантическому критерию, если заимствования не отражают оригинальную

для заимствующейся единицы фонетическую оболочку. То есть, если слово или словосочетание в словарной статье семантически относятся к заимствованной сфере культуры, например, буддизму, даосизму, китайской философии, астрологии и так далее, или если значение каждой морфемы в тангутском словосочетании совпадает семантически с морфемами словосочетания в китайском языке. Кроме того, мы предположим, что лексемы, в реконструируемой звуковой форме которых присутствуют носовые рифмы, тоже можно отнести к категории заимствованных.

Таким образом, мы посчитали, что заимствованную лексику тангутского языка представляется возможным классифицировать по нескольким признакам. Во-первых, **по степени сохранения фонетики** языка-донора, во-вторых, **по языку – источнику** заимствований, и в-третьих, **по тематике** заимствований. Так, были составлены три классификации заимствованных слов.

Первая классификация разделяет заимствованные слова тангутского языка на три типа, в зависимости от степени сохранности в них оригинальной фонетики языка-донора:

- 1) фонетические заимствования (кальки);
- 2) фонетико – семантические заимствования (гибридные);
- 3) семантические заимствования;

Давайте рассмотрим эти три группы подробнее:

Фонетические заимствования или, как их еще называют, кальки, при заимствовании в тангутский язык полностью сохранили свое оригинальное произношение. Они записывались, как правило, специально созданными в тангутском языке транскрипционными иероглифами, чтобы читающий мог полностью воспроизвести произношение иностранного слова. Как правило, так заимствовались иностранные антропонимы, топонимы, религиозные термины из тибетского языка и санскрита, а также слова, отражающие

уникальные иностранные предметы. Нам встретились также случаи, когда фонетически схожи оказывались лексемы, обозначающие очень распространенные предметы, например “ворота”, “гора” и “тело”. Предполагаем, подобные единицы заимствовались в силу их частого употребления. Рассмотрим ниже несколько примеров:

Лексема в тангутском языке	Лексема в языке-доноре	Перевод
1476-0 𪛗 khju	КИТ. 古 gǔ	Китайская фамилия «Гу»
2723-0 𪛘 ndza	КИТ. 雜 zá	Разный
4226-0 𪛙 xan	КИТ. 漢 hàn	Китаец, ханец, китайский
0714-1 𪛚 xen lan	КИТ. 贺兰 hèlán	Хэлань – название гор
0840-0 𪛛 thon	КИТ. 唐 táng	Китайская фамилия Тан, название династии Тан
1054-3 𪛜 so kha lo	санск. सागरनागराज Sāgaranāgarāja	Сагара; Нага – владыка океана
1134-0 𪛝 men	КИТ. 門 mén	Ворота
0776-0 𪛞 sèn	КИТ. 身 shēn	Тело
3544-1 𪛟 mēi tsə	КИТ. 孟子 mèng zǐ	Мэн-цзы (философ)
0512-2 𪛠 tshjon 'an	КИТ. 长安 cháng'ān	г. Чанъань

Фонетико-семантические, или гибридные, заимствования отличаются тем, что одна часть заимствования сохраняет оригинальное звучание, а другая заменяется исконно тангутской или семантически заимствованной морфемой.

Лексема в тангутском языке	Расшифровка семантики и фонетики	Перевод
0784-1 𠵹 𠵹 <i>thin lhwu</i>	𠵹 𠵹 - танг. одежда; - кит. 服 <i>fu</i> - одежда	Одежда
3411-6 𠵹 𠵹 <i>liɛ thon</i>	𠵹 𠵹 - танг. большой - кит. 唐 <i>tang</i> - название династии	Великая Тан
0776-2 𠵹 𠵹 𠵹 <i>sên mēi kwên</i>	𠵹 𠵹 - кит. 身 <i>shēn</i> - тело - танг. двери, ворота	Привратник
1134-1 𠵹 𠵹 𠵹 <i>men leu' o</i>	𠵹 𠵹 - кит. 門 <i>mén</i> - ворота - кит. 樓 <i>lóu</i> - башня	Смотритель врат и башен
2947-1 𠵹 𠵹 <i>phu 'je</i>	𠵹 𠵹 - танг. лавка - кит. 爺 <i>yé</i> - господин	Начальник, хозяин
3411-7 𠵹 𠵹 <i>liɛ ldiɛ</i>	𠵹 𠵹 - танг. большой - кит. 地 <i>dì</i> - земля	Территория государства

Семантические заимствования не сохраняют фонетического сходства со словами языка-донора, но копируют их семантику. Они считаются в большей степени, чем заимствования других двух типов, интегрированными в систему языка. Этим способом перенималась в

тангутский язык лексика, связанная с заимствованными, но плотно вошедшими в повседневную жизнь тангутов, реалиями: административными и социальными институтами, экономикой, армией, философией, литературой, явлениями повседневной жизни. Также мы можем определить, что слово является семантически заимствованным, когда, даже при отсутствии фонетического сходства, по семантике очевидно его иностранное происхождение, так как сферы их употребления первоначально были заимствованы из других культур. Рассмотрим примеры:

Тематика заимствования	Лексема в тангутском языке	Перевод
Кит. Философ.	1054-0 𣎵 so	Ян; мужское начало
Тиб. Буддизм.	4033-12 𣎵𣎵𣎵 rju 'êi mbjow	Авалокитешвара
Кит. Экономика.	1684-0 𣎵 kei	Золото
Кит. Философ.	3650-3 𣎵𣎵 'ja swin	Восемь триграмм И-цзина
Кит. Админ.	2750-2 𣎵𣎵 ngwə ndzwi	Император – сын неба
Кит. Админ.	4997 -3 𣎵𣎵 ngjə ndzjə	Девять разрядов классов чиновников
Кит. Админ.	1673-1 𣎵𣎵 tson swê	Руководитель финансового ведомства
Тиб/Кит. Будд.	2080-2 𣎵𣎵 tje reu	Парамита; «другой берег»
Кит. Конф.	1654-0 𣎵 rje	Ученый-конфуцианец

Вторая классификация разделяет заимствования по языкам-донорам, из которых они были включены в систему тангутского языка. В результате анализа словарной лексики, по этому критерию мы выделили две крупные группы:

- 1) заимствования из китайского языка;
- 2) заимствования из тибетского языка и из санскрита;

Заимствования из китайского языка в системе тангутского языка – самые многочисленные и разнообразные по тематике. Они встречаются как семантические, так и фонетические, гибридные. Некоторые из китайских заимствований сосуществуют с их семантическими аналогами тангутского происхождения, что говорит об их частом употреблении и плотной интеграции в лексическую систему языка. Большинство лексических заимствований с китайского языка имеют непосредственное отношение к заимствованным из китайской культуры реалиям и институтам.

Заимствование	Китайский язык	Перевод
2750-3 𪚗𪚘 ngwə zjə	天子 tiānzǐ	Сын неба
2750-18 𪚗𪚙𪚚 ngwə ljə ndzw	皇太后 huángtàihòu	Вдовствующая императрица
3097-0 𪚗 kon	公 gōng	Гун, правитель
0720-0 𪚗 thəi	阴 yīn	Инь; женское начало
0716-0 𪚗 sán	山 shān	Гора
4244-1 𪚗 liəu sá	流沙 liúshā	Зыбучие пески
1829-1 𪚗 kin liəu	經略 jīnglüè	Особоуполномоченный на время войны
0842-0 𪚗 ldjə	地 dì	Земля

4383-2 城主 we ndziu	城主 chéngzhǔ	Градоначальник
1811-1 匈奴 xio ndu	匈奴 xiōngnú	Сюнну, кочевой народ

Заемствования из тибетского языка и из санскрита по большей части относятся к религиозной лексике, имеющей отношение к буддизму, получившему самое широкое среди всех религий распространение в тангутском государстве. При этом переход лексики из санскрита, как мы предполагаем, не всегда был прямым: тибетский и китайский языки выступал языком-посредником в заимствовании. По этой причине, а также по причине тематического сходства слов, заимствованных из этих двух языков, мы объединяем их в одну группу.

Заемствование	Тибетский язык или санскрит	Перевод
4248-2 彌綏髻髻 mi lia rja si pa	ཇེ་བུ་ལྷ་མོ་ལ་རས་པ་ <i>Milaraspa</i>	Миларепа - имя
0840-5 鎧護靛 thon lo nje	धारणी <i>Dhāraṇī</i>	Дхарани
1054-2 鎧髻 so lweu	मरीचि <i>Marici</i>	Богиня Маричи
1233-1 彌髻 ma ma ki	མ་མ་ <i>Mama</i>	Мама
1386-2 鎧髻鎧鎧 ta tha nga ta	तथागत <i>Tathāgata</i>	Татхагата
2608-2 鎧髻鎧髻 śju tjei ngja mje	पिशाच <i>Piśāca</i>	Пишачи
2635-3 鎧髻鎧髻 man ndja lia	मण्डल <i>maṇḍala</i>	Мандала

2504-0 𣎵𣎵 śjan

ध्यान
dhyāna

Чань;
Дхьяна

Третья классификация различает заимствованные слова по сферам употребления и тематике. Заимствованные явления присутствовали во многих сферах жизни тангутского сообщества, и групп, по которым нами была распределена лексика в этой классификации, всего пять:

- 1) антропонимы и топонимы;
- 2) религиозная и церемониальная лексика;
- 3) календарная и астрологическая лексика;
- 4) административная лексика, государственные институты и звания;
- 5) хозяйственная и экономическая лексика, меры измерения;

Антропонимы и топонимы – имена собственные, идентифицирующие людей или географические объекты. В лексике тангутского языка мы находим множество таких примеров, записанных, преимущественно, транскрипцией и полностью повторяющих фонетический облик оригинальных названий. В словаре мы обнаружили множество лексем, использующихся для записи китайских фамилий и географических ориентиров и тибетские имена. В эту же категорию мы поместили обнаруженные в словаре транскрипции имен известных личностей. Рассмотрим несколько примеров:

Тангутский язык	Язык-донор	Перевод
4304-2 𣎵𣎵 kan tsjieu	кит. 甘州 gānzhōu	Район Ганьчжоу
5429-2 𣎵𣎵 khi wɛ	кит. 祁烏 qiwū	Циу (горы)
4731-1 𣎵𣎵 lu tsa wa	тиб. ལོ་ཙ་བ་ lotsāba	Лоцзава - имя

3880-1	龍殺	liən tsjɛw	кит. 龙州 lóngzhōu	Округ Лунчжоу
4398-6	龍殺	na liɛ	кит. 玄奘 xuánzàng	Сюань-цзан - имя
4412-11	龍殺	si nɤ	кит. 西宁 xīníng	Город Синин
4961-0	龍	xan	кит. 漢 hàn	Китайская фамилия «Хань»

Религиозная и церемониальная лексика – слова, имеющие непосредственное отношение к буддизму, даосизму и ритуальному церемониалу. По причине того, что тангуты активно заимствовали буддизм и конфуцианство у своих соседей, уже позже начав развивать свои собственные направления в рамках этих учений, большая часть связанной с религиями лексики относится к категории заимствований.

Тангутский язык	Язык-донор	Перевод
4033-7 龍殺	кит. 世尊 shìzūn	Миром почитаемый (титул Будды)
4178-0 禮	кит. 禮 lǐ	Ритуал, этикет
4179-0 法	кит. 法 fǎ	Закон, учение будды
4179-4 法器	кит. 法器 fǎqì	Ритуальные музыкальные инструменты
1478-6 龍殺	санск. शस्त्र śāstra	Шастра
4083-0 道	кит. 道 dào	Дорога, Дао
4083-13 龍殺	кит. 外道 wàidào	Иное учение (не Буддизм)
4977-0 龍	кит. 僧 sēng	Монах

Календарная и астрологическая лексика. Д. А. Худяков отдельно рассматривал вопрос этимологии тангутской календарной лексики и циклических знаков, и пришел к выводу, что большая часть из них была заимствована из Китайского и интегрирована в лексическую систему тангутского языка [10]. Кроме того, к заимствованной астрологической лексике мы отнесли названия созвездий, предполагая, что астрологическая практика, как часть ритуальной деятельности, была заимствована тангутами из китайской культуры. Это подтверждается и тем, что семантика названий созвездий в тангутском языке часто совпадает с семантикой названий тех же созвездий в китайском языке.

Тангутский язык	Язык-донор	Перевод
0841-10 聯 幟 'je mbje	кит. 室女 <i>shì nǚ</i>	Созвездие Дева
0924-2 鞞 鞞 tshiwu mba	кит. 天鼓 <i>tiāngǔ</i>	Созвездие Тяньгу
0924-3 鞞 鞞 tshiwu ma	кит. 天河 <i>tiānhé</i>	Млечный путь
1684-11 鞞 鞞 kei ngu	кит. 金牛 <i>jīnniú</i>	Созвездие Телец
1811-2 鞞 鞞 xjo xew	кит. 尾宿 <i>wěixiù</i>	Созвездие Вэй
5406-1 鞞 鞞 kew tsân	кит. 北斗 <i>běidǒu</i>	Созвездие Северный ковш
1904-0 鞞 lie	кит. 乙 yǐ	Второй циклический знак
1905-0 鞞 nai	кит. 甲 jiǎ	Первый циклический знак

Названия административных единиц, государственных институтов и должностей тоже часто были заимствованы из китайского языка, так как система тангутского государства многое переняла у Китайской империи в управленческом, военном и юридическом планах,

создав у себя, таким образом, сходные с древнекитайскими институты и системы управления. По этой причине в тангутский язык вместе с заимствованными моделями перенимались и лексика, обозначающая принадлежащие этим моделям понятия и концепции.

Тангутский язык	Язык-донор	Перевод
3889-3 𠵹𠵹 <i>sê lo</i>	КИТ. 侍郎 <i>shìláng</i>	должность – Шилан
3591-3 𠵹𠵹 <i>tu síon</i>	КИТ. 都士 <i>dūshì</i>	Души (чиновник по разбору земельных споров)
3762-0 𠵹 <i>rja</i>	КИТ. 司 <i>sī</i>	Управление
3769-1 𠵹𠵹 <i>je mə</i>	КИТ. 百姓 <i>bǎixìng</i>	Простой народ
4964-2 𠵹𠵹 <i>mje kai</i>	КИТ. 增盛 <i>zēngshèng</i>	Наименование ранга – Цзеншэн
1249-3 𠵹𠵹 <i>ku tsi</i>	КИТ. 内官 <i>nèiguān</i>	Столичный чиновник
0982-3 𠵹𠵹𠵹𠵹 <i>thei tu tu xu</i>	КИТ. 大都都府 <i>dàdū dūfǔ</i>	Генерал-губернаторство

Хозяйственная и экономическая лексика. На протяжении всего развития тангутского государства тангуты активно взаимодействовали с соседями в экономической сфере. Кроме того, они обменивались с ними технологиями, и появление новых технологий неизбежно приводило и к обновлению словаря. Так, в тангутском языке появилась заимствованная лексика, связанная с земледелием (названия растений), новыми мерами длины, веса, расстояния и так далее.

Тангутский язык	Язык-донор	Перевод
5526-0 𠵹 <i>ndzie</i>	КИТ. 錢 <i>qián</i>	Деньги, мера веса металлов
4063-0 𠵹 <i>ldje</i>	КИТ. 斤 <i>jīn</i>	Мера веса - цзинь

4392-0	蕨	zjeu	кит. 柏 <i>bǎi</i>	Кипарис
5408-2	龍藏	ju sja	санск. योजन <i>yojana</i>	Мера длины - йоджана
0226-0	斛	ndzia	кит. 斛 <i>hú</i>	Мера объема - ху
4054-0	兩	liu	кит. 兩 <i>liǎng</i>	Мера веса и денег - лян

Итак, проведя анализ словарных статей в «словаре тангутского языка» Е. И. Кычанова, мы, с опорой на существующие общие концепции классификации лексических заимствований, самостоятельно классифицировали лексику, заимствованную тангутами у из китайского и тибетского языков, а также из санскрита. Так, мы попытались разделить заимствования по трем признакам, и пришли к выводу, что лексические заимствования тангутского языка широко различаются тематически, присутствуя во многих пластах как повседневной, так и специализированной лексики, проникнув в тангутский язык вместе с заимствованием иностранных реалий. Кроме того, заимствования разнообразны по форме заимствований и степени интеграции в систему тангутского языка: нами были обнаружены как фонетические и семантические, так и гибридные заимствования.

Заключение

В процессе написания данной выпускной квалификационной работы нами в рамках поставленных задач были изучены материалы работ советских, российских и зарубежных исследователей. С опорой на существующие идеи и концепции было проведено сравнительное исследование материалов тангутского и китайского языков, с целью выявления характерных особенностей ареальных связей тангутского языка, а также определения, как именно система тангутского языка изменилась под влиянием его контактов с соседними языками.

Опираясь на материалы научных работ, мы составили общее представление о тангутах, как о носителях тангутского языка, и о процессе зарождения их государственности, желание укрепить которую обозначило необходимость создания самобытной тангутской письменной системы. Также мы сформировали общее представление о географическом расположении тангутского государства, определили его соседей, и определили как примерную область распространения тангутского языка, так и группу языков, с которыми тангутский мог контактировать. Кроме этого, нами был описан процесс обнаружения и исследования тангутского языка научным сообществом уже после его нахождения в конце XIX века, что помогло нам дополнить наши знания о тангутском языке и его особенностях.

Чтобы выявить и охарактеризовать именно ареальные связи тангутского языка, мы раскрыли определение понятий «ареал» и «ареальные связи» в контексте именно лингвистических исследований, уточнили методологию нашего исследования в рамках ареальной лингвистики, и затем, опираясь на эти понятия, ограничили ареал распространения тангутского языка непосредственного государством Западная Ся. Мы также определили, что, принимая во внимания

особенности ареальных взаимодействий, самое большое влияние на систему тангутского языка: на генезис его письменности, а также на фонетику и лексику, должен был оказать китайский язык. Именно в силу того, что Китай в то время был культурным и политическим центром региона, и его язык выступал как местный *lingua franca*. Также язык тангутов претерпел влияние со стороны тибетского языка и санскрита, главным образом на лексическом уровне по причине активного заимствования тангутами буддизма. К сожалению, в силу, по нашему мнению, слабой изученности языков других соседних тангутам народов: киданей, чжурчжэней, тюркских и восточно-тибетских племен, мы не смогли выявить и должным образом исследовать их межъязыковое взаимодействие с тангутским языком, и по этой причине сосредоточились на исследовании контактов тангутского именно с китайским и тибетским языками, и с санскритом.

На примере тангутского языка нами была раскрыта основная проблематика, методология и источники исследования мертвых языков, а также определено место тангутского языка в генетической классификации. В результате было определено, что тангутский язык, несмотря на родство с китайским и тибетским языками, все же, являясь единственным на тот момент представителем ветви гьялронгских языков, достаточно генетически далек от своих соседей, и обнаруженные в результате исследования сходства можно считать в большей степени результатом именно ареальных взаимодействий, а не генетического родства.

В результате анализа тангутской письменности, рассмотрения ее основных принципов строения и элементов структуры с опорой на работы других ученых, а также после сравнения ее с китайской иероглификой, мы выяснили, что тангуты, по всей видимости, действительно заимствовали основные идеи построения иероглифов из китайского языка. Тем не менее, они адаптировали заимствованную структуру, чтобы она соответствовала

особенностям именно тангутского языка, и, кроме того, изобрели собственные типы сложных иероглифов, использовавшиеся преимущественно для транскрибирования и записи иностранных слов. Например, сино-фоно-идеографические иероглифы, иероглифы «фаньце» и иероглифы с удлиненной рифмой.

Изучив результаты фонетических реконструкций и обозначив с помощью материалов других исследований основы фонетики тангутского языка, мы смогли определить, что китайский язык, за время его контакта с тангутским, повлиял и на фонетическую систему этого языка. В нем изменились тоновая система и система рифм. Количество тонов, предположительно, увеличилось с двух до четырех, а многообразие рифм пополнилось рифмами с носовым окончанием, которых первоначально не было в системе тангутского языка.

Проведя самостоятельный анализ словарных статей в тангуторусско-китайско-английском словаре, мы на основе сравнительного метода и анализа семантики слов и словосочетаний выявили некоторые заимствованные лексические единицы тангутского языка и составили три их классификации. В основе каждой из них установили отдельный критерий: заимствования были классифицированы по критериям сохранения фонетического облика слова, по языку – донору и по тематике заимствования. Тангутский язык принимал лексику как из китайского, так и из тибетского языка, и из санскрита. Массив заимствований именно из китайского языка разнообразен как по тематике, так и по степени сохранения фонетического облика, а значит, и интеграции непосредственно в систему тангутского языка, из чего можно заключить, что именно китайский язык оказал на лексический состав тангутского языка наибольшее влияние.

В заключение хотелось бы отметить, что в рамках одного исследования далеко не все аспекты ареальных взаимодействий тангутского языка и его соседей могут получить достаточное раскрытие. Все еще требует подробного рассмотрения взаимодействия тангутского языка с другими языками-соседями, в данный момент не очень глубоко исследованными (язык киданей, чжурчжэней, тюркских и тибетских племен). Также требует внимания вопрос более детального исследования механизмы и особенности интегрирования иностранных лексических заимствований в систему тангутского языка, а также влияние других языков на тангутскую грамматику. Таким образом, вопрос изучения ареальных связей тангутского языка остается по-прежнему актуален в контексте как лингвистических, так и исторических, и также культурологических исследований.

Список использованной литературы и источников.

Литература на русском языке:

1. Кепинг К. Б. Последние статьи и документы. СПб.: Омега, 2003. 360с.
2. Кепинг К. Б. Тангутский язык. Морфология. М.: Наука, ГРВЛ, 1985
3. Конрад Н. И. О тангутском языке и тангутской письменности // Вопросы языкознания. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 115 – 125
4. Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. М.: Наука, 1968. 359с.
5. Кычанов Е. И. История тангутского государства. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 767с.
6. Море письмен. Факсимиле тангутских ксилографов // Перевод с тангутского, вступительные статьи и приложения К. Б. Кепинг, В. С. Колоколова, Е. И. Кычанова и А. П. Терентьева-Катанского. Часть 1. М.: «Наука», ГРВЛ, 1969
7. Невский Н. А. Тангутская филология. Исследования и словарь. Том I. М.: Издательство восточной литературы, 1960, 604с.
8. Софронов М. В. Проблемы исторической фонетики тангутского языка. М.: Наука. 1967. 18с.
9. Худяков Д. А. Фонетические знаки тангутского письма. Звуковой тип-U : диссертация ... кандидата филологических наук / Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Ин-т стран Азии и Африки - Москва, 2012. - 104 с.
10. Худяков Д. А. К этимологии тангутских циклических знаков и календарной лексики // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение Т. 13., № 1., 2012, С. 24 – 35.
11. Худяков Д. А. Механизм порождения тангутского письма из графических элементов // Общество и государство в Китае Т. 49, номер 2, 2019. 15с.

12. Худяков Ю. С. Фонетическая структура тангутской письменности. // Общество и государство в Китае. Т. 49, номер 2. 2012. 10 с.
13. Цветков Д. В. Влияние китайской традиции на культуру тангутов // Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. СПб., 2015. С. 23 – 29.

Литература на западных языках:

14. A. Pictet, *Les origines indo-européennes, ou Les Aryas primitifs : essai de paléontologie linguistique*, 1 vol. in-8, 1859
15. A. Ivanov, *Zur Kenntniss der Hsi-hsia-Sprache* // *Bulletin de l'Académie Imperiale des Sciences de St. Petersburg*. VI s'erie, 1909, Volume 3, Issue 18, pp.1221–1233
16. Eric Grinstead. *Analysis of the Tangut Script* // *Scandinavian Institute of Asian Studies Monograph Series No. 10*, 1972. 376 pp.
17. Guillaume Jacques. *The origin of vowel alternations in the Tangut verb* // *Language and Linguistics*, Sage publishing, Association with Academia Sinica, Taiwan, 2009, 10 (1), pp.17-27
18. Hongyin Nie. *Tangutology during the past decades*. // *Monumenta Serica*. 41, 1993, pp. 329 – 47
19. J. Schmidt. *Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen*. Weimar, 1872
20. James A. Matisoff. “Brightening” and the place of Xixia (Tangut) in the Qiangic branch of Tibeto-Burman. *University of California, Berkeley*, 2004, 27 pp.
21. James A. Matisoff. *Sino-Tibetan Linguistics: Present State and Future Prospects* // *Annual Review of Anthropology*. Vol. 20. 1991, pp. 469 – 504
22. Johann-Mattis List, George Starostin and Lai Yunfan. “Old Chinese and Friends”: new approaches to historical linguistics of the Sino-Tibetan area // *Journal of Language Relationship*, vol. 17, no. 1-2, 2019, pp. 1-6

23. Lai Yunfan, Gong Xun, Gates Jesse, Jacques Guillaume. Tangut as a West Gyalrongic language // *Folia Linguistica*. 54. 2020, pp. 171 – 203
24. Luc Kwanten. The structure of the Tangut (Xi Xia) characters. Brill. 1989. pp. 1-42
25. Morisse, G. Contribution préliminaire à l'étude de l'écriture et de la langue si-hia., C. Klincksieck (Paris)., 1 vol. (67 pp.),
26. Sergey Dmitriev. Tangut (Xi Xia) Studies in the Soviet Union: The Quinta Essentia of Russian Oriental Studies. From Sinology in Post-Communist States: Views from the Czech Republic, Mongolia, Poland and Russia. The Chinese University of Hong Kong. 2016. pp. 233 – 243.
27. Shi Jinbo. Tangut Language and Manuscripts translation by Li Hansong. Brill. 2013. 540 pp.

Литература на китайском языке:

28. Ши Цзиньбо [史金波], Сисявэнь цзяочэн [西夏文教程: Курс по тангутской письменности] Шэхуэй кэсюэвэньсянь чубаньшэ [社会科学文献出版社: Издательство научной литературы по общественным наукам], 2013, 430 p.
29. Ли Фаньвэнь [李范文], Ханьюй дуйсясюй дэ инсян [汉语对西夏语的影响: Влияние китайского языка на тангутский язык] // Сибэй диэр миньцзусюэюань сюэбао [西北第二民族学院学报: Вестник второго северо-западного института национальных меньшинств], No.4, 2006, pp. 5 – 9

Электронные ресурсы:

30. К. М. Богданов. История и состав тангутского фонда Азиатского Музея / Института восточных рукописей РАН // Интернет – сайт Института восточных рукописей РАН. URL:<http://www.orientalstudies.ru/rus/templates/tangutica/index.html> (дата обращения 11.05.2022)

Источники:

31. Е. И. Кычанов, С. Аракава. Словарь тангутского (Си Ся) языка. Российская академия наук Санкт-Петербургский филиал института востоковедения, Университет Киото, 2006

Приложения

Приложение 1.

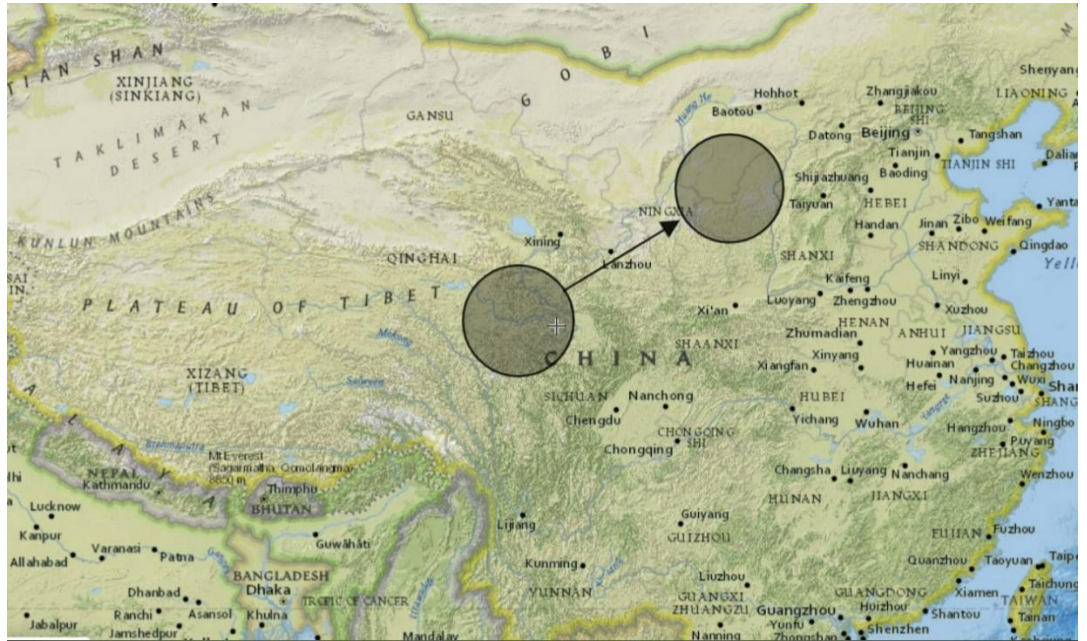

Рисунок 1.1. – Предположительное направление миграции и ареалы расселения дансянских племен до и после VIII века н. э.

Приложение 2.

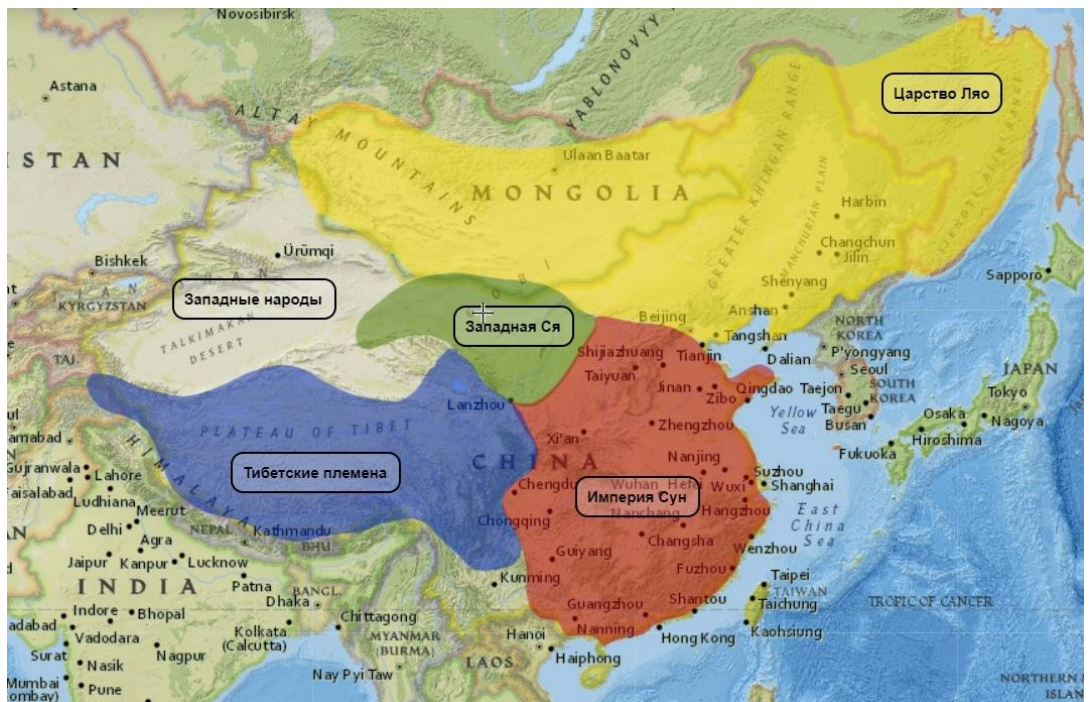

Рисунок 2.2. – Тангутское государство и его соседи

Приложение 3.

Ученый	Год	Работа	Количество ключей
Нисида Тацуо	1964	Малый словарь тангутского языка (西夏文小字典)	329
Эрик Гринстед	1972	Анализ тангутской письменности (Analysis of the Tangut Script)	151
Ши Цзиньбо	1983	Исследование «Моря иероглифов» (文海研究)	444
Ли Фаньвэнь	1997	Тангутско-Китайский словарь (夏漢字典)	357
Е. И. Кычанов	2006	Словарь тангутского (Си Ся) языка	377

Таблица 3.1. – Количество ключей тангутского письма

Приложение 4.

	<i>глухие чистые</i>	глухие придыхательные	звонкие / полусонанты	сонанты или фрикативные
губные смычные	p	ph	mb	m
губные фрикативные	-	-	-	v / w
переднеязычные	t	th	nd	n
среднеязычные	-	-	-	j, ñ

заднеязычные	k	kh	-	ng
свистящие	ts	tsh	ndz	s
шипящие	tʰ	tʰh	ndʒ	ʃ
гортанные	-	-	-	h
плавные	-	-	-	l, lh, r, z

Таблица 4.1. Система инициалей тангутского языка Источник: [12]